

Вера Красильникова

Три повести

Чашка с ангелом
Мой Мурманск
Родная деревня

Вера Михайловна Красильникова

Три повести (сборник)

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39411568

Три повести:

ISBN 978-5-00025-141-6

Аннотация

А что это я вдруг вздумала писать, да еще в предположении, что кто-нибудь будет это все читать? Скорее всего, сама точно не знаю. Я осталась самая старшая в некогда большой семье со своей памятью обо всех ушедших и их историями, которые мне в свое время были поведаны. А. С. Пушкин писал, что «мы не любопытны». А я всегда была любопытна, любила слушать бесконечные рассказы моей бабы Анны, которая дожила до 90 лет, потом мамы, которая ушла на 89-м году. Любила расспрашивать своих тетюшек про любовь. Когда внучки были малы, они часто просили: «Бабушка, расскажи, как ты была маленькая!» И я рассказывала, как я испугалась жабы, как ходила с папой в лес за елкой. Недавно пятнадцатилетний внук меня удивил, спросив: «А что такое „резной палисад“?»

Книга содержит ненормативную лексику

Содержание

Предисловие	5
Чашка с ангелом	7
Родители	8
Детство от 3 до 5	21
Детство от 5 до 10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вера Красильникова

Три повести

История народа – совокупность человеческих биографий.

Сергей Довлатов. «Марш одиноких»

Предисловие

А что это я вдруг вздумала писать, да еще в предположении, что кто-нибудь будет это все читать? Скорее всего, сама точно не знаю. Я осталась самая старшая в некогда большой семье со своей памятью обо всех ушедших и их историями, которые мне в свое время были поведаны. А. С. Пушкин писал, что «мы не любопытны». А я всегда была любопытна, любила слушать бесконечные рассказы моей бабы Анны, которая дожила до 90 лет, потом мамы, которая ушла на 89-м году. Любила расспрашивать своих тетушек про любовь. Когда внучки были малы, они часто просили: «Бабушка, расскажи, как ты была маленькая!» И я рассказывала, как я испугалась жабы, как ходила с папой в лес за елкой. Недавно пятнадцатилетний внук меня удивил, спросив: «А что такое „резной палисад“?»

Я рассказала ему о Вологде, о деревне Вохтоге, откуда родом я и все мои предки, о селе Сидорове, где прошло мое счастливое детство до 10 лет, откуда наша семья вынуждена была буквально бежать в Мурманск, бросив свой дом. И вдруг я услышала от внука, в котором намешана русская, грузинская, украинская кровь, совершенно неожиданные слова: «Бабушка, так ты настоящая русская? Прямо русская-русская? Бабушка, а что ты пишешь?» И когда я ответила, что пишу про свое детство, внук сказал: «Пиши, пиши.

Я потом обязательно почитаю».

Сейчас такое стремительное время: некогда детям слушать рассказы бабушек. Значит, вся накопленная память семьи просто исчезнет вместе со мной, как будто ничего и не было, и все забудут, кто мы и откуда и было ли все это на самом деле. Дети «проходят» историю своего народа по непонятным, выхолощенным учебникам, а настоящая живая история народа, история семьи, исчезает вместе с нами.

В 2017 году я издала повесть о вологодском детстве «Чашка с ангелом». Книжка неожиданно получила много теплых читательских отзывов, особенно от жителей села Сидорово и деревни Вохтоги. Просили меня написать продолжение о Мурманске, что я и сделала. В новую книжку «Три повести» вошли три небольшие повести: «Чашка с ангелом» (исправленная и дополненная), «Мой Мурманск» и «Родная деревня» (исправленная и дополненная).

Спасибо сайту «Сидоровская средняя школа» и его участникам Анастасии Королевой, Наталье Буториной, Светлане Лозиной за фотографии нашего родного села. Спасибо Муравиной Тамаре Ивановне за уточнение информации о военных вдовах деревни Вохтоги. Благодарю Ольгу Соколову за фотографии из домашнего архива семьи Мазиных, Анну Корепову за семейные фотографии.

В повести «Мой Мурманск» использованы фотографии, сделанные Зарубиным Г. Г., и из личного архива Тропиной З. И.

Чашка с ангелом

*Когда повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу, где кончил
Начальную школу.*

Николай Рубцов. «Родная деревня»

Родители

ОТЕЦ

Красильников Михаил Михайлович, мой отец, родился в 1917 году в деревне Вохтоге в 80 км от Вологды в довольно зажиточной крестьянской семье, но ко времени коллективизации и раскулачивания в 1929 году он остался круглым сиротой. Старшие братья Николай и Вениамин к этому времени уехали из родительского дома, жили самостоятельной жизнью. Приехали дядья, раскатали дом на бревна и увезли. Мишу 12 лет и сестру Веру 10 лет разобрали по разным семьям. Горек был сиротский хлеб. Года через два отец сбежал от своих благодетелей. Беспризорничал, где-то работал, потом окончил кооперативное училище в Грязовце.

В 1938 году был призван в армию. Служил во флоте на Дальнем Востоке, в Советской Гавани, бухта Постовая. Там у него был друг Иван Акимов. Отец вспоминал, что во время службы единственным развлечением было кино. Фильмы «Абрек Заур», «Избушка на Байкале», а однажды завезли фильм «Волга-Волга» и показывали его целый месяц каждый день. Потом отец всю жизнь помнил все диалоги и монологи из этого фильма. Еще отец часто вспоминал стишок из газеты «Безбожник»: «В пост великий братья тощи – от

капусты проку нет. Стал Фома похож на мощи, а Ерема на скелет...», длинный, длинный, дальше не помню.

А тут наступил 1941 год, грянула Великая Отечественная война, и вернулся отец из армии только в октябре 1945 года. Отслужил в армии 7 лет. Вспоминать о войне отец не любил. Только как-то рассказал, что их эшелон шел с Дальнего Востока на запад через всю страну несколько месяцев, эшелон несколько раз бомбили. Папа вспоминал, как истекающие кровью, зажатые в искореженных вагонах, но живые солдаты просили их пристрелить. Немногие моряки и солдаты доехали до фронта. Только после перестройки мы кое-что узнали: оказывается, его, как грамотного солдата, направили в училище контрразведки в Пятигорске, там он потом служил в частях СМЕРШ – смерть шпионам, пока допрашиваемый не выпрыгнул из окна и скрылся. Отца разжаловали в рядовые, и он закончил войну сержантом на передовой в Кенигсберге, был контужен, лежал в госпитале.

И вот отец свободен. Родных нет, дома нет, езжай куда хочешь. И надо же так случиться, что эшелон, в котором отец возвращался с войны, проходил через узловую станцию Вохтога. Станцию называли так же, как находящуюся в 4 км от нее большую старинную деревню Вохтогу, вероятно потому, что большинство строителей и работников железной дороги пришли из этой деревни. Поезд остановился на 2 минуты. И в последний момент отец спрыгнул со ступеньки вагона. Так он определил свою судьбу. Шел он по тропинке вдоль

речки Вохтожки, мимо деревни Дресвище, через поле, наконец и родная Вохтога. Подошел отец к месту, где стоял родительский дом, только две старые липы остались от их усадьбы. Прошло уже 16 лет, как его мальчишкой увезли отсюда. Вдруг его кто-то окликнул. Это были соседи Хмыловы. Их дом стоял неподалеку, на берегу реки, напротив церкви, рядом с начальной школой. Бабка Евленья приняла его как родного. С ее сыном Иваном отец учился в начальной школе, и Ванька еще в первом классе на перемене бегал домой сосать материнскую грудь. Наверное, благодаря этому Иван вырос мощным русским богатырем, всю жизнь проработал в колхозе-совхозе кузнецом, имел 5 детей и жену Антонину, дочку Василия Калинина, о котором речь впереди.

В семи километрах от деревни находился районный центр, большое село Сидорово. Там отец и устроился работать по специальности в Райфо (районный финансовый отдел). Каждый день пешком поле-лес-поле туда и обратно. Этим же путем ходила и одна интересная девица, которая тоже работала в Райфо, Катя Молина – моя будущая мама.

МАТЬ

Мама моя Екатерина Ивановна родилась, как и отец, в деревне Вохтоге, но значительно позже, в 1925 году. Разница в возрасте у них почти 9 лет. Мама совсем не помнила папину семью, так как ей было всего 4 года, когда его увезли из де-

ревни. У мамы, в отличие от папы, было чудесное детство. Она была первенцем молодых родителей, отцу было 23 года, а матери – 22. Между ней и следующей сестрой Зиной – 9 лет. Три рожденные между ними девочки умерли от детских болезней. Маму баловали: никогда не наказывали, наряжали.

СВЯЩЕННИК ВИКТОР ШЕРГИН

У мамы в детстве была задушевная подружка – дочь священника отца Виктора Шергина – Лилия. В 1937 году церковь закрыли, а отца Виктора арестовали и увезли. Лилию с матерью приютила в своем домике Екатерина Алексеевна Калинина – моя будущая няня. Зимой случилось несчастье: Лилина мама полоскала белье, упала в реку, простудилась и умерла. За Лилей приехали ее старшие сестры и увезли с собой. А церковь Казанской Божией Матери была разорена. Там сначала показывали фильмы, но люди боялись ходить. Уже после войны там хранили и перебирали зерно, а потом была устроена кузница, пока крыша не протекла и купол не рухнул. Некоторые иконы крестьяне унесли по домам. Несколько из них сохранила моя няня Катя. Помню одну из них – самую большую: в середине большая Богородица, а по краям много маленьких картинок. Как я сейчас понимаю, это было «Житие Богородицы». Сохранили также купель, где тайно крестили новорожденных.

КАТИНА ШКОЛА

Катя окончила начальную школу в деревне, и надо было учиться дальше в средней школе за 7 километров от дома в селе Сидорово, а ей всего-то было 10 лет. Родители жалели Катю и «снимали» ей жилье рядом со школой, то есть она ходила ночевать в чужую семью. Мама всегда вспоминала, как она тосковала по дому, плакала. Но отец ей говорил: «Учись, Катя. Я потом тебя в Ленинград в институт отвезу». Вскоре детей приняли в пионеры. Крестики носить было нельзя. Мать зашивала Кате крестик в шов школьного платья. В Сидорове в это время тоже разрушили церковь, сделали там Дом культуры. Иконостас был огромный, в несколько ярусов – все иконы выбросили. Мама в конце жизни рассказывала, как школьники боялись ходить в школьную уборную. Школа была деревянная двухэтажная. Водопровода и канализации, конечно, не было. Снаружи сверху вниз вдоль здания был пристроен короб, по которому падали нечистоты из уборной второго этажа в выгребную яму. Каков же был ужас, когда дети увидели, что короб для нечистот был сколочен из деревянных икон ликами внутрь.

Из деревни в школу дети ходили гурьбой, так как идти надо было полем, потом угрюмым еловым лесом, потом опять полем, затем через все село, опять поле, а там, на пригорке, школа. Расстояние километров 7–8. Самое тяжелое бы-

ло в осеннюю распутицу по вязкой глине и утром и вечером в темноте, да еще частенько и под дождем. Зимой, если не было вьюги, было легко бежать по протоптанной дорожке. Мальчишки иногда забегали вперед и устраивали девчонкам засаду, пугали. Наградой им был оглушительный визг. Когда мама была уже старенькая, она дожила почти до 89 лет, мы с ней вели разговоры. Я ее спрашивала про первую любовь. Она оживлялась и вспоминала, что в нее был влюблен мальчик Пашка Малов, брат ее подружки Капы.

Он, несмотря на насмешки приятелей, встречал ее, носил ее книжки. Пашка пропал без вести на войне. Помолчав, мама говорила: «Это, наверное, и была настоящая любовь, когда в нас все трепетало и нам друг от друга ничего не было надо, кроме как идти рядом». «А папа?!» – обижалась я за папу. «Папа – совсем другое», – отвечала мама.

Когда Катя окончила семилетку, она объявила родителям, что едет с подружкой в техникум учиться на геолога. Откуда явилась у деревенской девчонки из вологодских лесов такая мечта – неизвестно. Но отец твердо сказал, что надо окончить 10 классов, и Катя снова пошла в школу.

ВОЙНА

А через два года началась Великая Отечественная война. Отца мобилизовали, но дали бронь, так как он имел водительские права и возил в Вологде какого-то начальника. Из

колхозов все забирали для фронта, стало голодно. Денег у колхозников не было, а за учебу в школе после 7-го класса надо было платить. Катя училась хорошо, успешно окончила 9 классов, но летом 1941 года пошла работать в Райфо на должность счетовода-кассира. Стала получать какие-то деньги и хлебный паек как служащая, помогать матери.

Отец иногда приезжал из Вологды и рассказывал, что в городе стало совсем голодно. В феврале 1942 года он написал заявление добровольцем на фронт. Ему было 40 лет. Дома осталась беременная жена, дочка Зина 7 лет, Кате было 16 лет. Катя провожала отца до станции, а был февраль, мела метель. Отец сказал: «Прощай, Катя, иди домой, а то заметет тебя». Катя долго стояла и смотрела, как фигура отца постепенно растворяется в снежной мгле. Больше она его не видела никогда. В том же году он пропал без вести. Перед смертью воспоминания об отце часто тревожили ее. Бывало, сидит-сидит и вдруг скажет: «Где-то его косточки, папы моего...» и всплакнет.

От отца было всего два письма с фронта. Потом пришло извещение, что он пропал без вести.

В мае 1942 года, в неполные 17 лет, Катю назначили исполняющей обязанности главного бухгалтер бюджета Лежского района. «Исполняющей обязанности», потому что она была еще несовершеннолетней. Грамотных было мало, а все мужчины на фронте. У мамы есть грамота, выданная ей 8 мая 1945 года в Вологде за отличное исполнение бюджета.

Это значит, что все налоги были собраны и деньги правильно потрачены.

Я спрашивала маму: «А как же личная жизнь, ведь во время войны тебе было 17, 18, 19, 20 лет?» Мама рассказывала, что, конечно, наряжаться хотелось. От отца остались хорошие вещи: из отцовского пальто ей сшили пальто с каракулевым воротником, а из шелковой подкладки – платье. С обувью было труднее: летом носили начищенные мелом тряпочные тапочки на резиновой подошве с застежкой на пуговку. А зимой, конечно, валенки.

И ухажеры были. «Помню, – рассказывала мама, – был один, уж очень ухаживал, приедет, бывало, к нашей конторе в обед на розвальнях, я выйду на крыльцо в одном платье, а он тулуп на меня накинёт и в сани. Так и катаемся весь обед». Замуж звал, мама колебалась до одного случая: однажды она увидела, как он со злобой пнул свою лошадь. И все, как отрезало.

А с фронта все шли и шли похоронки на ее школьных товарищей 1924–1925 годов рождения. Не вернулся НИКТО.

ПОБЕДА

И вот – день Победы! Катя прибежала домой и закричала: «Мама, Победа!» А мать скорбно ответила: «А отец-то не придет» и заплакала.

В деревню стали постепенно возвращаться с фронта. Клу-

ба еще не было, и устраивали «беседки» по домам. Надо сказать, что и электричества еще не было. Представляю, как это было таинственно плясать и танцевать при свете керосиновой лампы под гармонь, а потом выбегать на крылечко и целоваться на морозе. Мой папа тоже заходил на беседки, здесь он с мамой поближе и познакомился, хотя заметил ее раньше, ведь они работали в одной организации.

Папе было 29, а маме 20 лет. Мама вспоминала, как папа красиво ухаживал: «Не то, что наши, деревенские, уж умел Миша ухаживать – всегда руку подаст, через ручей перенесет. А уж аккуратный до чего был. Ведь одежды-то всего одна гимнастерка, а всегда чистая, поглаженная и белоснежный воротничок подшит». Их роману и выяснению отношений времени было достаточно, ведь ходили на работу 7 километров каждый день в Сидорово и обратно. «У нас было условлено – вспоминала мама, – если я иду и на погребке букетик цветов лежит, то, значит, Миша прошел и ждет меня за поворотом, а если букетика нет – я его жду».

СВАТОВСТВО

Так они лето проходили, а осенью 1946 года папа пришел свататься. Тогда еще сохранился такой обычай. Бабушка позвала на такое мероприятие своего свекра Михаила Григорьевича Молина, ему было тогда 65 лет, а моей будущей бабушке всего-то 43 года. И вот пришли свататься: папа, а за

сваху вдова его двоюродного брата, погибшего на войне, тетя Нюра Кабанова, Маслиха, как ее звали в деревне по девичьей фамилии Маслова. Дед резонно сказал, что у жениха нет ни кола, ни двора, а Кате надо еще матери помочь сестер поднять, ведь Лиде было 4 года, а Зине 12 лет.

Мама заревела, крикнула, что замуж не пойдет и убежала из комнаты. Жених растерялся, но тетя Нюра проявила твердость и сказала, что они Катю в девках хотят уморить, а сами так в свое время семьями обзавелись. Дед нехотя дал согласие, папа побежал за мамой. В общем, 10 декабря 1946 года они расписались.

Я РОДИЛАСЬ

Папа перешел жить к теще. Жили вместе, одним котлом. Папа и крышу крыл, и дрова заготавливал. У папы был легкий, веселый характер. Лида и Зина его полюбили. А тут в сентябре 1947 года и я родилась. Мама рожала меня в Сидоровской бывшей земской больнице. Там еще с дореволюционных времен работал земский врач Илья Алексеевич Выборов, ему помогала его супруга Лидия Карловна.

Он был, как бы сейчас сказали, семейный врач широкого профиля. Я даже его смутно помню: худощавый, седой, с бородкой, в очках – русский интеллигент. Когда я спрашивала маму, когда я появилась на свет, она отвечала, что точно не помнит, но глядела в окно, все шли с работы, и она завидо-

вала, что люди сейчас домой придут, а она одна в роддоме сидит.

И вот мой папа – отец! Папа хотел маме принести что-нибудь вкусенького, а 1947 год был настоящий голодный год, хуже, чем в войну. Папе кто-то сказал, что в деревне, километрах в 10, кажется, в Чухарице, у кого-то есть ульи и мед. Так мой папа туда после работы побежал, купил горшочек меда, а нести-то как. Авоськи с собой нет, а пакетов полиэтиленовых раньше не было. Так папа на вытянутых руках и нес всю дорогу мед для мамы. А было дело, между прочим, темным осенним вечером и в непролазную грязь.

Мама уволилась с работы по семейным обстоятельствам, так как в то время декретный отпуск был всего месяц, а кормить грудью ребенка, который находится на расстоянии 7 километров, было нереально. И все-таки маму вызывают на работу весной 1948 года и назначают главным бухгалтером районной сберегательной кассы. Стали искать мне няню.

А в это время в деревне жила в своей избушке, как она сама называла свой домик, одинокая женщина – тетя Катя Калинина, в деревне ее звали Кириллова по названию хутора, где она родилась. Тетя Катя с рождения была хроменькая, тяжело работать не могла. Славилась рассудительностью, покладистым характером и еще умела «живот править», делать своеобразный массаж, если кто надорвется от тяжелой работы. Вот она-то и стала моей няней. Тетя Катя пришла, а моя тетя Зина, которой в то время было 13 лет, не отдает ей ре-

бенка, так меня любила! Говорит, что сама будет со мной возиться. А ведь ей осенью в школу идти. Зина забралась на печку и начала плакать. Мой папа достал ее оттуда, взял на руки и успокоил. Эта история мне рассказывалась много-много раз ее участниками.

КРЕСТИНЫ

Тетя Катя сказала, что меня надо крестить и что она все устроит. Крестной матерью мне назначили мою юную тетю Зину. И вот, когда в деревне накопилось несколько новорожденных, приехал из Раменья, из единственной оставшейся в округе церкви, священник и в одной избе, где хранили купель из разоренной нашей церкви, меня и крестили.

Мама хотела, чтобы я была Марианна, но бабушка непреклонно сказала, что назвать надо по именинам и в честь моей покойной бабушки по отцу – Веры Михайловны. Так я стала третьей в нашей семье Верой Михайловной после папиной сестры Веры Михайловны.

Мама часто вспоминала, что, когда священник взял меня на руки, я только хотела вскрикнуть, он меня окунул в купель, а когда поднял из воды, я уже улыбалась и слезки вместе с водичкой текли по лицу. В нашей семье десятилетиями сохранялось бело-розовое пикейное покрывальце с широкой белой кисейной каймой – мое крестильное. Потом кайма истлела, ее обрезали. На покрывальце еще долго гладили бе-

лье. Наверное, оно было еще из приданого моей бабушки.

Через некоторое время моим родителям дали служебное жилье, и они вместе со мной переехали жить в село Сидорово, поближе к своей работе.

Детство от 3 до 5

СЕСТРА ГАЛЯ

Февраль 1951 года. Мне три с половиной года. Я стою возле табуретки, на которой таз с водой. Я стираю кукольные платья. Мама дома нет. Она ушла в роддом за сестренкой. Потом мы с папой идем по глубокому снегу, идем к маме. Как сейчас помню, где находилось окно: слева на первом этаже. Мама показывает нам что-то, завернутое в одеяло. Через несколько дней мы с папой идем забирать домой маму и сестренку. Помню толстую тетю в белом халате, которая спросила меня: «Как сестренку-то назовешь?» Ни минуты не колеблясь, я сказала: «Галя!» Я очень завидовала моей подруге по детсаду, что у нее была сестренка Галя. Это была просто моя мечта. Так родители ее и называли.

ТЕТЯ ШУРА ЧИКАЛОВА

Жили мы в то время с родителями на служебной квартире. Мама была главным бухгалтером районной сберкассы, которая находилась на втором этаже деревянного двухэтажного дома. На первом этаже был Госбанк, а на втором – сбер-

касса и квартира из трех комнат и кухни. Вот в этой служебной квартире и жила первые годы наша семья, занимая две смежные комнаты. Соседкой нашей была тетя Шура Чикалова. Тогда ей было, думаю, не больше 60 лет. Работала она ночным охранником (сторожем) в сберкассе, у нее был даже наган в кожаной кобуре.

Еще она ночью протапливала печку-голландку в сберкассе, чтобы утром было тепло. Печка стояла справа от входной двери. Она была круглая, обита железом. Когда дрова прогорали, тетя Шура черной железной кочергой ворошила красные угли, часть из них выгребала в железное ведро для самовара, а потом пекла в печке картошку и угощала меня. На всю жизнь я запомнила тетю Шуру – подругу моих самых первых детских лет. В нашей квартире была настоящая русская печь. В ней готовили пищу, а зимой я любила на ней играть. Там всегда лежала подушка и постелено ватное одеяло. Потолок низко, тепло, уютно, таинственно и немного страшно. Тетя Шура была одинока. Говорили, что муж взял ее из «веселого дома» за красоту. При каких обстоятельствах и на какой войне он погиб – неизвестно. Она осталась одна, но у нее были подружки, такие же одинокие, как она. Бывало, заберусь я на печку и смотрю на них сверху, как они сидят на кухне за тетишуриным медным желтым самоваром с медалями на боках, на столе кроме чашек с блюдами стоят рюмки и большая темная бутылка с вином. Мама говорила, что это был «Вермут».

Громко играет радио, Воронежский народный хор с солисткой Марией Мордасовой поет «У меня частушек много – еще боле трудодней», «В стране советской мы хорошо живем, дорогой светлую вперед идем». Подруги ведут веселые разговоры, смеются, поют песни и забористые частушки. Я все запоминала. Сейчас уж забыла, помню только, что мама не разрешала мне при гостях и в садике их петь.

У тети Шуры был кот, как звали, уж не помню, но был он очень привередлив в пище. Бывало, тетя Шура нальет ему супа, ткнет носом в миску, да еще на хвост слегка наступит, чтоб не убежал, так он мяучит, но ест!

КРУЖЕВА

Еще пределом моей мечты были деревянные катушки после ниток. Они были разных размеров. Сейчас уже таких нет. Были катушки диаметром до 6 сантиметров. Тетя Шура вязала крючком бесконечные кружева на продажу, а пустые катушки нанизывала в виде гирлянд на веревочку, и они висели в ее комнате под потолком для красоты. Кружева пользовались большим спросом. Почти в каждой семье стояли кровати с никелированными спинками. Внизу вдоль матраса был натянут белый полотняный подзор с пришитыми кружевами. На обеих спинках также висели белые занавески с пришитыми по краю кружевами. Сверху кровать накрывалась покрывалом, у кого какое было. У нас долгое время было ко-

фейного цвета с белым узором пикейное покрывало, которое бабушка дала маме в приданое, а ей, в свою очередь, наверное, тоже дали в приданое, так как в магазинах такие вещи в мое время уже не продавались. Поверх покрывала в изголовье кровати укладывались пуховые подушки с кружевными вставками (прошвами), а сверху гора подушек накрывалась тоже кружевной накидкой. У некоторых столы накрывались кружевной скатертью. У нас тоже была скатерть от бабушки, вязанная из черных ниток простыми ячейками, как сетка, а узор в виде роз был вывязан красными шерстяными нитками по этим ячейкам. Иногда пришивали кружево по краям льняных полотенец. Так что заказов у тети Шуры хватало.

ЗАРАЗНЫЙ БАРАК

Как-то я заболела скарлатиной, видимо, в легкой форме. Обнаружили это родители, когда у меня кожа уже начала шелушиться, отвезли меня в больницу, положили в инфекционное отделение (называлось «заразный барак»), который находился в отдалении от других больничных корпусов на берегу реки Лежи. Там я была одна, ночью со мной спала санитарка, а мои родители прибегали в обеденный перерыв на меня посмотреть через окно. Была зима. Папа слепил снежную куклу, прилепил ее к оконному карнизу, а в рот кукле воткнул свою недокуренную папиросу. Я смеялась, потому и запомнила это.

КОНЮШНЯ

Во дворе нашего дома банка-сберкасы была и конюшня и сарай. В конюшне стояли лошади, там же стояли тарантасы, сани, телеги. Я любила наблюдать, как конюх запрягает лошадь. Мне казалось, что я наизусть изучила, как это делается. Теперь уже забыла. Еще было интересно смотреть, как привозили на зиму березовые дрова и папа с конюхом их пилили двуручной пилой, укладывая бревно на козлы. Потом папа топором колол дрова: «жаах», и разлетаются в стороны поленья. Как любила я запах опилок! Мяться и валяться на них! Потом поленья складывали в сарай в поленицы.

НЯНЯ КАТЯ

Итак, у меня появилась сестренка. В большой комнате, где я спала рядом с круглой печкой, появилась зыбка, которая висела на зыбыльне (длинной оглобле), которая была продета в железное кольцо, привинченное к потолку. Один конец зыбыльни упирался в потолок, а к другому на веревке была привязана зыбка, которая упруго качалась вверх-вниз. В зыбке спала сестра Галя. Также у нас скоро появилась няня для Гали – тетя Катя. Она меня нянчила лет до двух, но я это, конечно, не помню. И вот она снова у нас! Екатери-

на Алексеевна Калинина. Моя любимая и незабвенная няня. Она сопровождала мое детство до 10 лет. Тетя Катя, как все мы ее звали, была одинока. Муж ее погиб в Финскую войну, детей не было. Из-за своей врожденной хромоты тяжелые колхозные работы ей были не под силу, и она пошла в няни. Я была ее первой воспитанницей. Надо сказать, что тетя Катя не умела читать и писать. С трудом печатными буквами расписывалась. Но сколько ее память хранила чудесных сказок, историй, которых я за всю жизнь потом ни от кого не слыхивала!

Помню, родители все время на работе, поздний вечер, пора спать, в комнате от натопленной печки тепло. На столе горит красивая стеклянная зеленоватая, на высокой ножке керосиновая лампа, тетя Катя качает зыбку и рассказывает мне сказки. Я прошу рассказать самую страшную сказку «Про медведя», который ходит по деревне на деревянной ноге. «Все по селам спят, по деревням спят, одна бабка не спит, мою шерстку прядет, мое мясо варит...» – пела няня «страшным голосом». Я в сладком ужасе закрывала глаза, натягивала одеяло на голову и засыпала. А еще я любила играть в сказку «Морозко». «Тепло ли тебе, девица?» – голосом Деда Мороза спрашивает няня. «Тепло!» – радостно кричу я. «На тебе платье шелковое!» – и няня бросает на меня какой-нибудь халат. И так продолжается до тех пор, пока я не оказываюсь заваленной всякой всячиной.

«Вера, хочешь тюри?» – спрашивала няня. Конечно, я хо-

чу. Няня наливает в миску холодный кипяток из самовара, крошит туда черный хлеб, мелко режет луковицу, солит – вот и все. Вкусно! Потом, читая у Некрасова: «Кушай тюрю, Яша, молочка-то нет» – я знала, о чем идет речь.

КЛЮКВЕННЫЙ КИСЕЛЬ

Мама сварила сладкий клюквенный кисель. А сахар-то был большой редкостью в то время. Мне очень хотелось киселя. Было лето, окно открыто. Мама поставила большую тарелку с киселем на подоконник остывать. Я все ходила и проверяла: остыл ли кисель. И вот, к моему ужасу и величайшему горю, тарелка упала со второго этажа и разбилась. Этот кисель я помню всю жизнь.

ЦВЕТКОВЫ

У моих родителей не было хозяйства. Молоко мы брали у Цветковых. Помню, у меня в руках эмалированный чайник, коричневатый с белыми крапинками, крышка от чайника привязана веревочкой к ручке, чтоб не потерялась, я бегу к Цветковым за молоком, крышка бьется о чайник и звенит, а мама смотрит из окна мне вслед. Старики Цветковы жили в большом деревянном доме, построенном еще до революции. Дом стоял слева, прямо за мостом через Секерку.

У них в доме было три комнаты, кухня и большая русская печь. В одну из комнат они пускали квартирантов, в другой жила их единственная дочь Зина, которая вышла замуж за судью Мельникова. Дед работал конюхом, лошадь стояла у них на дворе. В общем, жили они на фоне общей послевоенной бедности зажиточно, как у нас говорили, «справно». Мне нравилось приходить к ним и все рассматривать: стены кухни были оклеены какими-то интересными и неизвестными мне картинками. Но особенно мне нравился мешочек, в котором, я знала, лежали кости-лодыжки.

Помню, я ждала, потом приходила бабка с подойником, полным душистого молока. Она ставила перед собой глиняные кринки и стеклянные банки, покрывала их чистой марлечкой и лила в них молоко из подойника. Процедив молоко, она наливала в мой чайник два литра. Иногда остатки молока она сливала в большой алюминиевый бидон, плотно закрывала крышку и передавала деду, который тряс его, как ребенка. Оказывается, так он сбивал масло.

МАМА БОЛЕЕТ

Сестре не было еще и года, как мама заболела тяжелейшим воспалением легких. Антибиотиков тогда не было. Помню, мама лежит на кровати в спальне, пришла медсестра ставить банки: зажгла лучину, сунула в банку, а потом быстро поставила на мамину спину. Кожа втягивается в банку и

темнеет. Мне страшно за маму, хочется плакать. Потом мама лежит на спине, голова высоко на подушках, к ней приходят с работы с чековой книжкой, просят подписать, потому что кому-то зарплату надо выдавать.

Сестренка плачет, а у мамы от болезни молоко испортилось. Галю надо было отнимать от маминой груди. Мама держит сестру на руках, а няня вперевалочку идет к печке, берет сажу и смазывает маме грудь. Но Галя все равно хочет есть. Тогда няня берет жесткую одежную щетку и сует маме под кофточку. Галя утыкается носом в щетку, колется и кричит еще громче. Чем окончилась эта экзекуция – уже не помню.

МАМИНА РАБОТА

Так вот, жили мы бок о бок с маминой работой, через стенку была сберкасса. Конечно, мне не разрешалось отвлекать маму от работы, но все-таки, когда очень-очень хотелось, я туда ходила.

Сберкасса состояла из двух больших смежных комнат. Большая комната была залом для посетителей, где за стеклянным барьером сидели кассир тетя Капа Петухова с сейфом за спиной и девушка-контролер. Девушки все время менялись, так как постоянно выходили замуж, а потом рожали детей. В другой комнате у входа слева сидел заведующий сберкассой. Вместо одной руки у него был протез в черной кожаной перчатке. Руку он потерял на войне. Я его побаива-

лась, особенно его имя меня мучило. Мама заставляла меня быть воспитанной девочкой и называть его по имени-отчеству: «Здравствуйте, Константин Акиндинович!» Зато имя Сидорова К. А. я запомнила навсегда. На правой стене висели два огромных портрета Карла Маркса, как говорила тетя Шура Карла Марла, и Фридриха Энгельса. Для меня это были старики – кто такие, я не знала. Один из портретов во время демонстрации 1 мая и 7 ноября носили в колонне, а другой портрет в это время выставляли на чердаке в слуховое окно для украшения.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Слева у окна сидела моя мама, а напротив – ее помощник, выпускник средней школы Сланя (Станислав). Так вот, Сланя был моей настоящей первой любовью. Я могла просто стоять у его стола и смотреть на него долго-долго. Мне было 5 лет, и это была любовь. Писать я не умела, но уже знала, что люди друг другу пишут письма.

Я ему «писала» записки, просто каляки, отодрала в родительской спальне обои в том месте, где за стеной работал Сланя, и просовывала ему свои письма в щелку. Но вот Сланя объявил, что ему пришла повестка в армию.

Была теплая осень или весна, уж не помню, Сланя позвал меня с собой в военкомат. Мы идем, он держит меня за руку, по пути мы зашли в магазин, и он купил мне кулек кон-

фет. Возле военкомата Слania усадил меня на скамейку, а сам ушел. Дальше не помню.

Чтобы закончить про первую любовь, расскажу, что произошло лет через 7–8. К тому времени наша семья уехала в другие края, но летом заезжали в родные места. Вот однажды летом, мне лет 12, я худая и жутко длинная. На стадионе в Сидорове праздник, народное гулянье. Вдруг я вижу, что с моими родителями разговаривает какой-то офицер в серой парадной, с блестящими золотыми погонами форме. С ним под руку молодая женщина. Офицер поглядывает в мою сторону и улыбается, затем подходит ко мне и спрашивает: «Вера, помнишь, как ты меня в армию провожала?» Я опустила голову, покраснела. Вот и все. А он, я думаю, тоже всю жизнь вспоминал маленькую девочку, которая его так беззаветно любила.

ЧАШКА С АНГЕЛОМ

У тети Кати была чашка, которая мне ужасно нравилась: тонкая-претонкая, прямо прозрачная, с чудесными рисунками и таинственной надписью серебряными буквами. Я спросила, что там написано. Тетя Катя важно ответила, что это ей подарили на день ангела. Что такое день ангела, почему у тети Кати есть ангел? Тогда я впервые узнала, что у меня тоже есть ангел, который всегда за моей спиной, он все видит и слышит, поэтому нельзя врать и делать плохие дела, пото-

му что ангел все видит, знает а, значит, узнают и все. Потом я всегда это помнила и старалась не врать и не подличать. Первое время сворачивала шею, стараясь увидеть ангела за спиной.

Так прошли мои самые первые сознательные детские годы в наших комнатах возле сберкасы с няней Катей, тетей Шурой – моими «дряхлыми» подружками. Но вот папа сказал: «Будем строить дом!» Мне было 5 лет.

Детство от 5 до 10

НАШ ДОМ

И вот папа строит дом. Я слышу новые слова: ссуда, делянка, тес, горбыль. Чтобы быстрее построить дом для сруба папа купил добротный амбар, раскатал его на бревна и перевез на место стройки. Папа в доме очень много делал сам. Вот дом уже стоит, я забегаю внутрь, а там справа на полу толстый слой глины, почти на половину комнаты, а папа стоит на этой глине, у него в руках толстое бревно ему почти по пояс, сверху прибита поперек палка-ручка. За эту ручку папа поднимает бревно и опускает его на глину с силой, как бы сбивает ее. Потом папа режет глину на ровные куски – это сырые глиняные кирпичи, из которых складывают потом русскую печку, и они самообжигаются. Для экономии из кирпича делали только шесток, трубу и еще кое-что. А глины, чудесной жирной глины, в наших местах было полно.

КАК МЫЛИСЬ В РУССКОЙ ПЕЧКЕ

Хочу рассказать, как мы мылись в русской печке, пока в селе не построили большую сельскую баню. В наших краях

печки складывали большие, так как во всех окрестных деревнях в них и мылись. Печку топили рано утром, с помощью ухватов ставили в нее большие чугуны с водой, ставили чугуны поменьше со щами, с картошкой, кашей, молоком. Все это нагревалось, готовилось, варилось, томилось. По мере готовности чугуны с едой из печки доставали. К вечеру из печки вытаскивали все, выгребали оставшиеся прогорелые угли, выметали золу и постилали в печку небольшой снопик соломы, на который набрасывали какую-нибудь чистую тряпицу. Помните поговорку: «Соломки подстелить». Я раздеваюсь, залезаю в печку и сажусь на соломку. Печь такая высокая, что здоровые дяди, залезая туда, не доставали головой до свода печки. Потом мне в печку подают тазик с теплой водичкой и замоченный в ней березовый веник. Кто любит, чтобы было по-жарче, тот просит закрыть печь заклонкой. Я, конечно, не прошу.

Теперь надо взять веник и брызнуть на раскаленные своды печки, и пойдет пар со всех сторон. Сидишь, пока вся не покроешься бисеринками пота. Потом надо веником махать – париться. Мне велят дышать ртом, потом носом, чтобы все прогреть. Совсем маленьких детей подают в печку к матери, и мать парит младенца сама. Потом я на четвереньках вылезаю из печки, встаю в таз, и меня обливают прохладной водой. Взрослые мужчины выбегают зимой на улицу и прыгают в снег. Лицо у меня красное и блестит от чистоты. После этого чай из самовара и спать, спать, спать.

Но все-таки это хлопотное дело – мыться всей семьей в печке. И когда в селе рядом с нашим домом открыли баню, мы стали мыться там. В бане два отделения: у входа справа – мужское, а дальше – женское. У мамы двое детей, сестренка мала, поэтому какое-то время меня папа брал с собой. «Держись!», – говорит папа. Я крепко обхватываю его за ногу, а сверху он меня окачивает из тазика, затем одевает и выставляет в переднюю комнату, где сидят тети-банщицы, жду маму с сестрой. Тети поят меня чаем. А папа парится очень долго, он заходит в парилку с веником помногу раз. Ходила я с папой недолго, пока не стала задавать всякие вопросы.

НАША УСАДЬБА

И вот наш милый домик в три окна, его родители ласково называли «избушка», готов! После войны семьи стали меньше, да и скота держали мало. Почти весь Русский Север застроен после войны такими маленькими домиками.

Папа место для дома выбрал с умом, на берегу речки Секерки. Берег был высок, метра на два выше уровня реки. Секерка хоть летом и была как ручеек, весной разливалась и затопляла все низины. Чтобы удобнее было брать воду, папа сделал мостки, как у нас говорили «лаву», и углубил речку, выкопав бочажок больше метра глубиной, так как сама речка была мелковата в этом месте и взрослые ее могли перейти вброд. Дом папа поставил углами на огромные гранит-

ные валуны. Где уж он их нашел? Камней у нас найти трудно. По периметру сделал земляную засыпку, обил досками. Стала завалинка. Дом был сложен из толстых бревен, проконопачен мхом, внутри бревна были стесаны и уже по моде того времени оклеены бумажными обоями. Крыша была покрыта дранкой. Три окна по фасаду выходили на речку, одно окно по правой стороне (кухня) выходило на огород, на юг. По левой стене было маленькое крылечко со ступеньками и входная дверь. Здесь планировалось построить веранду, но не успели в связи с драматическими событиями, происшедшими в скором времени в нашей семье.

С любовью родители обустроивали наш домик. Мама нашла везде ситцевых занавесок, завели большущий фикус в кадке, который стоял на полу. Купили комод и платяной шкаф, сделанный местными кустарями-умельцами. Все из дерева. Тогда еще не было мебели из ДСП.

Под окнами мама разбила клумбу, на которой цвели оранжевые ароматные ноготки и разноцветные космейки на длинных тонких стебельках. За клумбой в низинке у самой воды посадили кусты смородины, которые весной коварная Секерка затапливала полностью. Но зато ягоды наливались сладким смородиновым соком, поднимешь ветку, а там висят гроздья крупных черных ягод. Тут наши куры были моими соперниками. Забавно было наблюдать, как курица подпрыгивает, пытаясь ухватить клювом сладкую ягоду. В огороде почти все место занимала кормилица-картошка. Росла

также всякая мелочь: лук, морковь, чеснок, репа и горох для детей. Капусту сажали отдельно, за селом у речки. Считалось, что она там лучше растет. Мама, как молодая и современная женщина, развела диковинные в наших местах помидоры, но они не вызревали, их солили. Я их не любила. Пытались выращивать огурцы, но без теплицы в нашем суровом климате они плохо росли. Огурцы для засолки покупали в городе Буйе Костромской области, который был совсем недалеко, ближе Вологды.

ДИНКА

Слева от крыльца папа сколотил будку. В ней поселилась папина охотничья собака сибирская лайка Динка. Окрас, как у волка, и хвост колесом. Динка сидела на цепи, так как признавала только своих и злобно лаяла на чужих. Расскажу случай с Динкой. Однажды папа был в отъезде, стояла поздняя осень, мы уже легли спать. Вдруг слышим Динка лает, чьи-то голоса, брань, потом Динка завизжала, видимо ее чем-то ударили. Кто-то начал стучаться, прямо ломиться в дверь и ругаться.

Дверь была на засове, но ходила ходуном. Мама вскочила с кровати, схватила деревянную лестницу, по которой мы лазили на чердак, и подперла дверь. Стучать перестали, и по голосам стало слышно, что ходят вокруг дома. Мама не испугалась, приоткрыла дверь, выскочила на крыльцо и спустила

Динку с цепи. Динка загнала своих обидчиков в холодную осеннюю воду Секерки и, бегая вдоль берега, не давала им выйти из воды, пока они не стали звать на помощь.

А мы с сестрой играли с Динкой как хотели. Зимой, в сильные морозы или когда она ждала щенят, папа запускал ее в дом. Мы и верхом на ней катались, и надевали на нее чепчики, а она только глаза жмурила. Рожать щенков Динка уходила в укромное место. Родители рассказывали такой случай. Была зима или начало весны. Динки нет и нет. Оказывается, она ушла рожать, и место нашла под роддомом (прямо анекдот). Подкопала себе ямку и сидит уже с новорожденными щенками. А между тем мимо с работы шел какой-то прохожий, который, услышав повизгивание и поскуливание, решил посмотреть. Динка, защищая щенков, выскочила, оцетинилась и залаяла. Прохожий от страха забрался в сугроб и сидел там, пока не позвали папу, и он Динку со щенятами домой забрал.

КАК Я ИСПУТАЛАСЬ ЖАБЫ

Помню, папа сколотил новую собачью будку, решив завести еще одну собаку для охоты. Пока летом будка пустовала, я решила устроить в ней домик для моей куклы. Папа из фанерок и деревянных брусочков сколотил для куклы кровать, стол, скамейку. Я на ночь куклу укладывала спать в ее домике, а утром приходила ее умыть, кормить и с ней

разговаривать. Я ее кормила супом из подорожника и поила компотом из маковых головок. Чтобы кукла без меня не скучала, я наловила лягушечьих головастика, запустила их в банку с водой – стал аквариум. Так вот, однажды залезла я в будку, а там сидит большая жаба и смотрит на меня. Ужас меня охватил! Я пытаюсь вылезти из будки, но от страха застреваю в небольшом отверстии. Все-таки кое-как вылезла, но моя кукла там больше не жила.

На наш дом пожарный инспектор прибил металлическую табличку, на которой была нарисована лестница. Это значит, что если в селе случится пожар, то папа должен схватить свою лестницу и бежать на пожар. На других домах висели таблички с топорами, ведрами, баграми.

НАША ЖИВНОСТЬ

Родители стали обзаводиться живностью. На задах к дому был пристроен сарай. Там сначала жили куры с петухом. Я должна была днем их кормить: бросать пшено, какие-то зерна. «Цып-цып-цып!» – зову я с крыльца, и куры с радостным квохтаньем бегут на мой зов. Особенно было интересно наблюдать за петухом, который, клюнув зернышко, расшаркивался своей лапой со шпорой и, нежно воркуя, приглашал к угощению свой гарем. Этого первого нашего петуха я и запомнила, потому что кроме его необыкновенной красоты он еще был жуткий драчун, как дети говорили, «клевачий». Од-

нажды я не захлопнула дверь в дом, возвращаясь, а по дому петух расхаживает. Я бежать, он за мной прямо летом летит и норовит в голову клюнуть. После этого случая папа быстро приговорил его нам на обед.

Вспоминается еще, как у нас цыплята были. Весной у взрослых начинались разговоры, что какая-то курица исчезла, потом ее находили, а она сама уже сидела на утаенных яйцах и цыплят высиживала. Из яиц в положенный срок вылуплялись желтые цыплята. Некоторые яйца были уже проклюнутые, с трещинами, их клали на печку в валенок и наблюдали, когда цыпленок вылупится. Сначала их кормили пшенной кашей, потом вместе с матерью выпускали на улицу. Тут моя задача была защищать их от кошек. Вот как-то стою я на лаве, ловлю головастика, чтобы сделать для своей куклы аквариум. Вдруг слышу, курица кудахчет прямо не своим голосом. Смотрю, а через картофельные гряды несется кошка огромными прыжками прямо к нашим цыплятам. Я тоже бросилась к цыплятам и успела быстрее кошки.

Летом курам было раздолье. Они нежились на солнце, чистили свои перышки, по шею зарываясь в нежную пыль, искали и клевали какую-то нужную для их здоровья травку. А зимой несушек и петуха отправляли в подполье. Подполье было низкое, родители могли там пройти только согнувшись в «три погибели», поэтому меня иногда посылали отнести курам еды, воды и проверить, снесли ли они яйца. Яички были теплые, с приставшими пушинками. Мне было жаль кур,

что они сидели в темноте с маленьким окошечком. Родители говорили, что у кур бывает куриная слепота, тогда мне становилось их совсем жалко до слез.

А на следующий год, когда очередная курица села высиживать цыплят, мама подкатила под нее гусиные и утиные яйца. Так у нас завелись еще гуси и утки. Я должна была вечером загонять их в сарай. Куры спать ложились рано, лишь солнышко начинало садиться, они со своим петухом забирались в сарай и рассаживались на жердочки спать. Гуси, как только я их звала «теги-теги», послушно и важно шли за своим гусаком в сарай, там усаживались на солому, тихо гоготали, будто обменивались впечатлениями о прошедшем дне, зарывали свои клювы в перья и успокаивались. А вот утки были глупые совершенно. Они никак не хотели выходить из речки, несмотря на мои призывы «ути-ути». Я бегаю вдоль речки, хлопаю в ладоши, прямо плачу, а они стайкой от меня уплывают то в одну, то в другую сторону, и так до темноты, пока взрослые не придут. Осенью уток и гусей забивали, а пух щипали на подушки. Мне этих уток совсем не было жалко.

В начале зимы папа покупал в одной из соседних деревень барана на мясо. Помню, на кухне стол выдвигали на середину, на столе лежит туша барана, папа его разделывает. Я стою, смотрю – мне все интересно. Папа говорит: «Вот – сердце, вот – почки, вот – печень» и бросает в миску; «А вот – кишки» – бросает в таз.

Конечно, главным блюдом на столе был чугунок из печки с горячей вареной картошкой. Мама открывает на кухне люк в подполье, спускается по маленькой лесенке и подает мне оттуда миску с квашеной капустой, солеными огурцами, а другую миску – с солеными грибами. От чудесного запаха укропа и чеснока слюнки текут!

А в один год папа купил поросенка. Маленький, розовый, с длинными белыми ресницами и хвостиком крючком поросенок даже не умел хрюкать, а только визжал, когда хотел есть. Сначала его попоили молоком, а потом стали поить обратом (это когда с молока сливки снимут). Так вот иногда, когда родителям уж совсем было некогда, за обратом на молокозавод ходила я. Помню один такой поход. Иду, в одной руке ведро, за другую руку сестренка держится. Завод был на окраине села, куда с колхозных ферм свозили молоко для переработки. Завод выпускал сметану, сливки, творог, масло. Все отправлялось в город. В сельском магазине этого мы никогда не видели.

Вот дошли мы до завода, там за обратом очередь. Посадила я сестренку на скамейку, а сама встала в очередь. Стою-стою, вдруг слышу, кричат: «Чей ребенок?» Я бегу и вижу, что у Гали из носу кровь течет. Оказывается, от нечего делать она открутила металлическую пуговку от своей кожаной туфельки и в нос засунула, но, к счастью, неглубоко, и с помощью женщин пуговицу удалось высморкать. Пошли мы обратно. Идем-идем, встанем на коленки и попьем из ведра

вкусный, теплый обрат.

ПАПА СОБИРАЕТСЯ НА ОХОТУ

Конечно, папа мечтал о мальчике, но родились я да сестра. Поэтому он меня многому учил, как если бы я была мальчик. Любимая его поговорка была: «Учись, пока я жив!» Я внимательно смотрела, как он гладит свои брюки, учил меня завязывать галстук, используя мою руку вместо шеи, сажал верхом на своего коня, давал нажимать на курок ружья.

Нечего и говорить, что из-за своего большого любопытства я любила смотреть на все, что делает папа. Вот папа собирается на охоту. На столе аккуратно разложены припасы: тут и красная маленькая коробочка со сверкающими капсюлями, и коробочки со свинцовыми пулями: побольше – на медведя, поменьше – на волка и лису. А дробь и порох лежит в матерчатых мешочках. Мешочек с дробью очень тяжелый, ничего, что маленький. В другой коробочке лежат пыжи, вырезанные из войлока, манки, свистки и другое папино охотничье хозяйство. Мне все очень сильно нравится, особенно капсюли, но трогать все настрого запрещено. Сначала папа шомполом чистит стволы у своей двустволки. Потом показывает, чтобы я посмотрела в ствол: он сверкает и переливается радугой, как калейдоскоп. Потом папа начинает набивать металлические патроны, раньше готовых патронов еще не продавали. Забивает в доньшко патрона капсюль, а потом

специальной мерной ложечкой отмеряет дробь, порох и забивает сверху пыж. Патрон готов. Патронов готовится штук 20. Потом папа достает патронташ. Это такой кожаный пояс, на котором нашиты в ряд чехольчики для патронов. Папа дает мне посвистеть в манки. Больше всего мне нравится манок на утку. Он состоит из двух тоненьких деревянных пластинок, между которыми была вставлена металлическая. Я дую в манок, и оттуда слышится «кря-кря». Манок крикает, а селезень думает, что это утка его зовет, и летит на зов. Еще у папы было раскрашенное резиновое чучело тетерки, как он называл «чучалка».

Хочу рассказать слышанный много раз от папы рассказ об охоте на глухарей. Эта охота называется глухариные тока. Глухарь токует весной, ищет подругу и издает такой звук: «чувыххх». В это время он ничего не слышит и его легко подстрелить. Вот собираются друзья-охотники, еще накануне находят поляну, строят шалаш из веток и сидят, ждут рассвета. Ждут долго, но они места знают, где тетерева водятся. На куст привязывают чучалку. Потом видят, что тетерев прилетел, и, увидев чучалку, распускает свой шикарный хвост и начинает «чувыхать», приглашая ее спуститься. Тут он становится настоящим глухарем – ничего не слышит. На его «чувыхи» прилетают другие тетерева и тетерки. Тут начинаются настоящие бои, а тетерки сидят на ветках и ждут победителя. Тут охотники должны стрелять, но папа рассказывал, что иногда так увлекался этим зрелищем, что и про

стрельбу забывал. Главное правило, говорил папа, – тетерку стрелять нельзя.

Эти слова напомнили мне одну встречу. Лет через 50 после описываемых событий я ездила в родные места. Стою у деревенской церкви в деревне Вохтоге, которая теперь возрождается. Подошел мужчина из местных жителей, спросил: «Вы чьи будете?» Я ответила, что дочка Красильникова Михаила Михайловича. Мужчина заулыбался и рассказал, что, когда был мальчишкой, мой папа взял его на тока, а он подстрелил тетерку. Папа его ругмя ругал и сказал: «Запомни! Тетерку убивать нельзя!» А он и запомнил на всю жизнь.

ВАНЯ ЗИМИЧЕВ

Был у папы друг Ваня Зимичев, профессиональный охотник. У него была семья – жена Антонина, дети. Летом, когда не было охотничьего сезона, он сажал картошку, косил сено, занимался своим хозяйством. А в охотничий сезон занимался промыслом – охотился на белку, лису, куницу и других. Шкуры сдавал в Заготпушнину. Этим и жил. А глухариные тока это был весенний праздник охотников. Папа дружил с Ваней всю жизнь. И когда Ваня Зимичев в 1980 году умер, папе сообщили, и он почти три дня добирался, чтобы проститься с любимым другом.

Когда летом папа возвращался из леса, то привозил или букетик с ароматными ягодами земляники, или малиновый

веник со сладкими и крупными, как маленькие лапоточки, малининами. Иногда зимой, когда папа возвращался с охоты, он доставал из кармана завернутый в газету кусок черного хлеба и говорил, что это лисичкин хлеб. Я безоговорочно верила.

Запомнилось, как папа ходил охотиться на зайцев. Почему-то зимой зайцы, видимо голодая в еловом лесу, по ночам подходили к селу и облюбовали сельское кладбище, обгладывая растущие там яблони и другие «сладкие» деревья. Вот зима, мороз, мы уже спать ложимся, а папа с другом на охоту собираются. На кладбище они залегают между могил, белые простыни у них на тулупы для маскировки накинута. Поджидают беленьких зайчиков. Луна. Все видно. А утром мне достаются заячьи белые хвостики. Если шкурка испорчена пулей, то и шкурку отдают мне для кукольных нарядов.

УМЕР СТАЛИН

Однажды я сижу на печке, у меня свинка, шея действительно как у поросенка. Гляжу вниз на маму, жду, когда она меня позовет позавтракать. А мама шмыгает носом и вытирает слезы. Я кричу: «Мама, почему ты плачешь?» «Сталин умер», – отвечает мама. О Сталине я знаю, что он наш вождь, о нем по радио песни поют и его портреты носят на демонстрации 1 мая и 7 ноября. Я слезаю с печки, пью горячее молоко с хлебом, потому что сахара нет, а несладкого чаю мно-

го не выпьешь, и иду гулять. Мама кричит мне вслед, чтобы я к ребятам не подходила, потому что я заразная. У меня какое-то вялое состояние. Я забираюсь на сугроб и, чтобы не провалиться в снег, ложусь на спину. Надо мной синее небо. Я поворачиваюсь на бок. Близко-близко от моего глаза голубоватый пористый снег. Скатываюсь с сугроба, мне скучно гулять одной. Я направляюсь к центральной улице. На книжном магазине висит красный флаг, обшитый черной лентой. Я такого раньше не видела. Возвращаюсь домой, спрашиваю маму. Она отвечает, что это траур по Сталину.

СИДОРОВО

Я расту, мой мир расширяется. Хочу описать, как помню, село моего детства – Сидорово. В то время это был районный центр Лежского района Вологодской области. Название района от реки Лежи, на берегу которой село и стоит. Лежа была в то время довольно широкая и глубокая, по ней даже лес сплавляли, а мы по заторам из бревен перебежали с одного берега на другой. После 1959 года районный центр из Сидорова перенесли в город Грязовец, многие государственные служащие, оставшись без работы, продавали свои дома и уезжали в другие места, а семьи из дальних маленьких деревень переселились в Сидорово. До революции, говорят, это было большое торговое село, куда крестьяне из окрестных деревень свозили на ярмарку плоды своих трудов. Я описы-

ваю наше село, как помню, с 1951 по 1958 год, когда я была маленькой девочкой от 3 до 10 лет.

И так, если заходить в Сидорово с востока, то сначала слева находилась машинно-тракторная станция (МТС), как в народе называли «гаражи». Потом начиналось село. Сквозная главная дорога проходила через все село. Слева был стадион, потом какое-то административное здание, а справа в деревянном нарядном доме с резными наличниками сидел самый главный начальник – первый секретарь райкома партии и одновременно председатель районного исполнительного комитета депутатов (как папа говорил «предрик») – Белов.

Дальше, слева – универмаг, напротив – книжный магазин. Если повернуть направо, дорога шла к корпусам земской больницы, которые сохранились с царских времен. Сразу за книжным магазином на главной дороге справа стояло деревянное двухэтажное здание банка-сберкассы – первое жилище нашей семьи. Дальше улицу пересекала наша милая речушка Секерка, приток Лежи.

ПАРИКМАХЕРСКАЯ

Справа на берегу находился Дом крестьянина – гостиница – и была парикмахерская, в которую я ходила. До школы меня стригли наголо, оставляя только челку.

Как мне нравилось в парикмахерской! Старичок-парик-

махер усаживал клиента в кресло перед зеркалом, накрывал белой простыней. На полочке перед зеркалом стоят одеколоны «Шипр», «Тройной», «Кармен». После стрижки старичок спрашивает: «Освежить?» В случае согласия он берет пульверизатор с резиновой грушей, оплетенной в шелковую сетку с кисточкой, вставляет трубочку во флакон выбранного одеколona и пылью мельчайших капелек «освежает» клиента.

Мне тоже хочется, чтобы меня освежили, но мама не разрешает. А мне очень хочется, чтобы меня побрызгали одеколоном «Кармен». Флакон треугольной высокой пирамидкой, а на наклейке изображена жуткой красоты цыганка с розой в кружевной фате.

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Через Секерку перекинут деревянный мост. Он высокий, так как Секерка разливается весной, да и берега в этом месте довольно крутые, и мост делает дорогу более пологой. Для безопасности пешеходов справа сделан еще и пешеходный мост. На другом берегу слева, прямо у моста стоит дом стариков Цветковых. Дальше на возвышенности стоит Дом культуры, справа от него – танцевальная площадка. Перед Домом культуры разбит небольшой парк, посажены аллеи берез, среди которых стоят побеленные памятники Сталину в длинной шинели и Ленину с кепкой в руке.

Так вот, через много-много лет, году в 1996-м, я повезла маму в родные места, мы подошли к дому культуры: фигур Сталина и Ленина уже не было, Дом культуры был заколочен, все заросло травой, березы стали огромными, с многочисленными вороньими гнездами на ветках. Но березовая аллея все-таки просматривалась. Моя мама медленно прошла по аллее и говорит: «А ведь эту аллею я сажала». И рассказала, как всех сидоровских служащих из контор мобилизовали для посадки этого парка. Но самое интересное было то, что перед началом работы надо было ходить поливать свое дерево, так как ежедневно председатель исполкома заезжал и проверял – политы деревья или нет. Кто не поливал, тому был выговор. А потом мама рассказала, что Дом культуры был построен на фундаменте разрушенной в 1936 году огромной церкви Рождества Богородицы. Особенно хороша была 86-метровая колокольня. Звон слышался в хорошую погоду до города Грязовца, который расположен в 48 километрах от села. А танцевальная площадка построена прямо на могилах. Но в 50-е годы об этом даже шепотом не говорили. А раз не говорили, то уже следующие поколения и не знали ничего, танцевали. Так умирала память.

СТОЛОВАЯ

Напротив Дома культуры, через дорогу на пригорке, находилась роскошная столовая с высоким крыльцом на три

стороны. Сначала буфет. На витрине разные бутылки, папиросы «Казбек». Я знаю, что они дорогие. Папа курит «Беломорканал» фабрики им. Урицкого, говорили, что они лучше, чем такие же фабрики имени Клары Цеткин. «Беломор» в бумажной пачке, а «Казбек» в картонной коробочке, на которой нарисован на фоне горных вершин скачущий на черном коне всадник в мохнатой папахе. А еще на витрине выложены пирамидки из шоколада «Золотой якорь», который почти никто не покупал, так как считалось дорого, и стояли стеклянные вазы на ножках с разными конфетами «Пилот», «Ласточка», «Весна». Накопив 6–7 копеек, можно было купить одну конфету. За прилавком стояла красивая румяная буфетчица. У нее на голове белая кружевная накладка, как корона, и такой же красивый маленький фартучек с кармашками. Она ловко нарезает широким ножом на большой деревянной доске совершенно одинаковые ломтики хлеба, берет деньги за обед и выдает талончик в столовую. Иногда, когда нам не доставалось хлеба в магазине, мама посылала меня в столовую, и тетя буфетчица тайком продавала мне полбуханки хлеба. Она была нам какая-то дальняя родственница. Над входом в зал, в котором все обедают, висит чудесная картина: страшный лев открыл пасть, а какой-то круглолицый уса-тый дядя, сунув туда свою голову, весело улыбается зрителям. Я всегда удивлялась, как это ему совсем не страшно.

В зале стояло много столиков, накрытых клеенками, вокруг каждого столика – по четыре стула. На столах стоят фар-

форовые баночки с солью, черным молотым перцем и горчицей.

Между столами ходят официантки, тоже, как и буфетчица, с белыми кокошниками и фартучками. Они забирали оплаченные талончики-заказы и потом приносили обед. Большие тарелки с супом они несли друг на друге так: тарелку с супом накрывали пустой тарелкой, затем ставили следующую тарелку с супом и так далее. Получалось четыре тарелки с супом и четыре пустые. Наверное, это было очень тяжело и трудно, но ни разу ни одна тарелка не упала. Такого мастерства я больше не видела нигде.

Дальше за столовой был мост через реку Лежу, военкомат, керосиновая лавка, и село кончалось. На следующем холме через поле стояли два деревянных здания Сидоровской средней школы, куда стекались за знаниями дети из ближних и довольно дальних деревень. С левой стороны от центральной улицы вдоль реки Секерки были жилые дома, милиция, детсад и ясли, магазины, базарные ряды, а дальше – кладбище.

ДЕТСАД

Сестру Галю водили в ясли, а я ходила в детсад. Идти в детсад надо было мимо милиции (НКВД) и КПЗ (камеры предварительного заключения). Там был глухой высокий забор, жутко лаяли собаки. Я бежала мимо милиции стрелой. В садике мне очень нравилось. У нас были тарелки с цветоч-

ками на дне. Я старалась быстрее съесть суп, чтобы увидеть, какой сегодня на тарелке цветов. Наша старая воспитательница была, видимо, приезжая, у нее не было своего дома. Она жила прямо в детском саду. Ей была выгорожена комната прямо в нашей группе. Она с нами разучивала песни, танцы, стихи. Мне это ужасно нравилось. Мы хором пели узбекскую песню «цып-цып, мои цыплятки». А мне вообще поручили танцевать грузинский танец «лезгинку». Музыки-то ведь не было никакой. Воспитательница хлопала в ладоши и напевала: «Ляй-ляй-ля-ля-ляй-ля!», а я с азартом танцевала.

МЕЛЬНИКОВЫ

Напротив нашего домика, на другом берегу Секерки построил свой дом судья Мельников, где поселился со своей женой Зиной Цветковой и тремя детьми. Старшего сына не помню, как звали, младший Витя и средняя Таня – моя ровесница. Таня была совсем с белыми волосами. У нее был на попечении младший брат Витька, а у меня сестра Галя. У нас мы часто играли на печке в доктора. Мы с Таней были врачи, а Витька с Галей – больные. Часто, когда родители были на работе, мы играли у Мельниковых. У них дом был значительно больше нашего: кроме большой кухни с русской печкой были еще три спальни и большая гостиная. В этой гостиной, лежа на полу, мы играли в шашки на щелчки. Помню, один раз, когда мы играли в шашки, приехал Танин отец, на-

верное, из Вологды, и достал из чемодана какие-то завернутые в тонкую бумагу оранжевые шары, по одной штуке Тане и братьям. Когда я потом спросила своих родителей, что это могло быть, мама не могла догадаться, а папа сказал, что это такие фрукты – апельсины.

В МАГАЗИНЕ

Лакомства было мало. Белого хлеба, булок вообще не было, а за черным хлебом каждый день стояла очередь из детей и старух. Я тоже стояла, ведь взрослые на работе. Ближе к вечеру показывалась наконец лошадь, запряженная в телегу с фурой (большим фанерным коробом). Лошадью правил Коля-немой. Он действительно был немой, только мычал в ответ.

Коля слезал с облучка, открывал дверцу фуры, накладывал себе буханки на руку до подбородка и так весь хлеб переносил в магазин. Хлеб привозили прямо из пекарни, он замечательно пахнул, а корочка была самая вкусная. Иногда хлеба хватало не всем.

Из сладкого в магазин иногда завозили какую-то разноцветную массу огромным куском. Это называлось «помадка фруктовая». Раньше, наверное, это были разноцветные конфетки, но нам их уже привозили откуда-то слипшимися в разноцветную массу. Еще продавали брусочки в обертке, назывался «Фруктовый чай». Это фактически был прессован-

ный жмых, оставшийся при переработке сухофруктов. Но я его любила грызть: он был кисленький и слегка сладкий.

Но самую страшную очередь я видела за сахарным песком, которого в магазине не было никогда. Помню, клюквенный кисель мама варила с сахарином, бросая в миску крошечную белую таблетку. И вот однажды по селу раздался клич: песок дают! Я, как единственный свободный человек в семье, побежала к магазину. Но какое там! Магазин уже был вплотную набит взрослыми людьми, детям там делать было нечего. Ни о какой очереди и речи не было. Взрослые орали, толкались и матюгались. Каждый старался протиснуться к прилавку. Навсегда запомнилась женщина с высоко поднятой рукой, в которой был зажат мешочек с песком, наверное, как я сейчас думаю, килограмма два, которая пыталась выбраться из магазина, но ее сдавили, и она кричала.

Масла и жиров тоже не было никаких. Помню, летом забегая к маме на работу, а она просит меня сбегать в гаражи (МТС), там в магазине маргагуселин дают. Больше за всю свою жизнь я такого жира и не видела, и не слышала. Дали мне довольно большую миску – на всю сберкассу, и я побежала. Наложила мне продавщица в миску какой-то сероватой массы, по густоте напоминающей густой кисель, и я пошла обратно. Притом что жили мы в краю знаменитого вологодского масла. Все отправлялось в Москву и Ленинград.

НАША ЛУЖАЙКА

Чаще всего летом мы играли на лужайке перед государственными домами. В этих двух двухэтажных домах были квартиры, где жили семьи военных, районных служащих, врачей, специалистов. Тут у меня тоже были подружки, Люба и Надя Рагины. Один раз их родители ушли на работу и закрыли квартиру до обеда, так как девочки еще спали. Любе и Наде так хотелось гулять, что они, не дождавшись родителей, выбили железной кочергой стекло и вылезли на улицу. А на улице, между прочим, была зима!

Еще были трое детей Спиридоновых: двойняшки Наташа и Оля, а еще младший брат Витька. У них мать была портнихой-надомницей. Оля часто булавкой прикалывала к платью на грудь пестрые лоскутки и выходила гулять на лужайку. Я ужасно ей завидовала. Потом еще была многодетная семья Сурниных. Старший брат, уже совсем взрослый, играл в сидоровской футбольной команде.

Летом мы до самой темноты играли на лужайке: в зубарики, в магазин, в чижа, кислый круг, но самое главное – в прятки. Какие считалки у нас были! Целые поэмы!

Дора, дора, помидора.
Мы в саду поймали вора.
Стали думать и гадать,

Как бы вора наказать.
Мы связали руки-ноги
И пустили по дороге.
Вор шел, шел, шел
И корзиночку нашел.
В этой маленькой корзинке
Есть помада и духи,
Ленты, кружева, ботинки,
Что угодно для души.

А потом говоришь, как заклинание: «Раз, два, три, четыре, пять. Я иду искать. Кто не спрятался – я не виноват!»

А под вечер сидим на бревнах, и старшие дети, уже школьники, рассказывают не сказки, а страшные истории про нечистую силу, ведьм, разбойников, убийц и мертвецов. Бывало, мама кричит: «Вера! Домой!» А мне жутко, лечу домой стрелой, сердце выскакивает.

КУПАНИЕ

Но самая радость летом была река Лежа, куда мы всей гурьбой ходили купаться. За больницей Лежа делала крутой изгиб: текла-текла в одну сторону, а потом сделала крутой изгиб и потекла в обратную сторону. На изгибе был глубокий бочаг. Нас пугали, что там дна нет, и мы даже не пробовали к нему подходить – боялись. В бочаге купались только взрослые мужчины. У крутого берега плавал плот из бревен,

вот они с этого плота и ныряли, а потом появлялись на поверхности, отфыркивались и уже плавали саженками. А слева от бочага берег был пологий, песчаный, и у берега было довольно мелко, а потом, если встать на цыпочки, то мне доходило до носа.

На песке мы валялись, играли, плавали, кто умел. Вместо резиновых кругов использовали простую наволочку. Надо было взять за два угла, поднять над головой и, выпуская в нее воздух, плюхнуть на воду. Под водой быстро углы захватить в одну руку, тогда над водой образовывался пузырь из наволочки. Потом, держа одной рукой под водой зажатые углы наволочки, подбородком ложишься на пузырь, а другой рукой подгребаешь и плывешь. Но пузырь очень быстро сдувается.

Противоположный берег реки крутой и весь изрыт норками: там живут черные раки. Я их боюсь. А вдруг клешней схватят! Потом, когда я слышала «красный, как рак», я удивлялась: ведь раки черные, я точно видела своими глазами. Еще в тени под рачьими норками плавали стайки рыбок. Один раз шел вдоль речки какой-то дядька и на ходу, просто так, забросил удочку в реку, а потом прямо на наших глазах еле-еле вытащил большую сверкающую рыбину.

ЗА ВЕНИКАМИ

Еще летом обязательно ездили в лес за березовыми вени-

ками. Обычно после работы сберкассовский конюх запрягал лошадь в телегу и человека два-три сотрудников сберкасы вместе с моей мамой ехали в лес. Я, конечно, была с ними. Потом я поняла, почему они так охотно брали меня с собой. Был разгар комаров и слепней. Взрослые заходили в березняк ломать веники, а меня оставляли на опушке с лошадью. Бедная лошадь, единственным оружием против кровососущих насекомых был ее хвост, но он мало помогал. От укусов слепней по ее морде прямо кровь текла. Я большой веткой старалась согнать слепней с лошади, а другой веткой хлестала себя, отгоняя комаров. Ведь в то время никаких средств от комаров не было. Наконец взрослые возвращаются из леса, за плечами у них вязанки березовых веток – будущие веники. Ветки складывают на телегу, получается высокая гора. На гору конюх сажает меня, накидывает на меня какую-то кофту от комаров, а сами взрослые идут уже пешком. Я утопаю в березовых листьях. Когда приезжаем к дому, я ничего не помню, потому что сплю крепким сном.

ПО ГРИБЫ И ЯГОДЫ

На этой же лошади мама ездила со своими сотрудниками куда-то далеко за грибами. Считалось, что засолки достойны только белые грузди и рыжики. Привозили их в больших, плетеных из бересты кошелях, огромное количество. Грибы потом солили в деревянной бочке с укропом и чесноком, а

бочку ставили в подпол.

Взрослые ездили на болота за клюквой. Клюквы собирали много, так как ее можно было хранить без сахара. А еще из нее варили мой любимый клюквенный кисель.

КИНО

Конечно, мы каждый день бегали к Дому культуры смотреть афишу, есть ли дневной сеанс для детей. Кино – это было счастье, открытие неизвестного мира. Запомнился фильм «Садко», лучшие мультфильмы: «Стрела улетает в сказку», «Остров ошибок», «Снеговик-почтовик». На рекламных фотографиях в Доме культуры висели кадры из взрослых фильмов «Застава в горах», «Свадьба с приданым», «Чрезвычайное происшествие», «Подвиг разведчика», «Укротительница тигров». Конечно, на вечерние сеансы детей не пускали. И вот – о чудо! На «Укротительницу тигров» есть дневной сеанс для детей. Такую толчею и очередь без очереди я видела, только когда давали сахарный песок. Но тут были только дети: постарше – помладше. Давали по два билета. Я все-таки была девочка высокая, почти на голову выше своих сверстников, билеты я, конечно, купила для себя и сестры Гали. Помню, как рыдала Ленка Петухова, дочка тети Капы из сберкассы – ей билет не достался. Мама меня увещевала, чтобы я Галин билет отдала Лене, но я уперлась и в кино мы пошли с сестрой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.